

Великий писатель-патриот

«Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утратить, не сделав блага». «Испытую свои силы для поднятия труда важного, благородного: на пользу отечества, для счастья граждан...» Так писал Гоголь-лицеист своим родным, открывая перед ними свои заветные мечты.

Все литературное творчество Гоголя пронизано любовью к Родине, гордостью за ее людей, протестом против уродств крепостного строя. Гоголь писал сознательно и целеустремленно. Из его книг смотрела сама жизнь, и она не оставляла читателя равнодушным, а делала его судьей крепостнических порядков.

Произведения Гоголя стали боевым оружием революционной демократии в борьбе против затхлого старого мира. Каждая новая его книга — сборник ли «Миргород», «Ревизор» или «Мертвые души» — становилась общественным событием. Жадно читала эти книги молодежь, обогащая свой язык меткими гоголевскими образами, оборотами, словечками. Если Гоголь ставил свое горячее клеймо на пошляке-бабуне, стяжателя, помещика-небокоптителем, — это клеймо не смывалось. Оно позволяло отличать таких людей вопреки их благообразной внешности: вот Хлестаков, вот Чичиков, вот Иван Иванович...

Чернышевский назвал Белинского критиком гоголевского периода. Одобрительно отозвавшись о первом сборнике Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», Белинский после «Арабесок» и «Миргорода», вышедших почти одновременно, дал писателю очень высокую оценку, показав все то новое, что внес Гоголь в литературу. Закljučая статью, Белинский писал: «Гоголь еще только начал свое поприще; след. наше дело высказывать свое мнение о его дебюте и о надеждах в будущем, которые подает этот дебют. Эти надежды велики, ибо Гоголь владеет талантом необыкновенным, сильным и высоким. По крайней мере, в настоящее время, он является главою литературы, главою поэтов...»

Эти слова были сказаны о двадцатипятилетнем авторе. Высоко оценив талант

Гоголя, Белинский вместе с тем не признавал, что писатель достиг предела возможности. Критик намекнул, что есть и другой юмор, более острый и разоблачительный; наряду с ничтожеством явным есть ничтожество, скрытое под благообразной или даже блестящей наружностью, и оно ждет своего разоблачения.

Голое Белинского перекрыл вой и визг реакционной печати, упрекавшей Гоголя в «грязных» темах, упорно замазывавшей общественную направленность его повестей, называвшей его «рассказчиком забавных анекдотов».

Поддержка Белинского окрылила Гоголя. Начался новый подъем творчества писателя — родился «Ревизор», были начаты «Мертвые души». Работая над статьей о журнальной литературе 1834—1835 гг., Гоголь руководствовался статьей Белинского «Ничто о ничем», что наглядно подтверждают черновики писателя.

Общественная обстановка, в которой жил и трудился Гоголь, требовала от Белинского непрерывной, неослабевающей борьбы за Гоголя. Это был настоящий идеологический фронт, где требовались находчивость, остроумие, дальновидность и обдуманность действий, разнообразие маневров, меткость каждого слова. Нигде не пытались сбить с ног великана. Сенковские, булгарины и шевыревы, которых теперь мы и вспоминаем только в связи с именем Гоголя, пробовали притупить оружие его юмора, отвести его удары от подгнивших устоев крепостнического государства. Они действовали по-разному. Сенковский и Булгарин чаще всего грубо бранились, намекая на отсутствие политической благонамеренности у Гоголя. Шевырев действовал хитрее: под личиной «друга», «благожелателя» он советовал Гоголю обратиться к темам из жизни аристократии, смягчить свой юмор, найти в самодержавном государстве «светлые стороны».

Разоблачать Шевырева было труднее, чем отбивать прямолинейные нападки продажной журналистики. Однако могучая идейная целеустремленность Белинского в сочетании с критическим дарованием поз-

воляла ему одерживать победы и над этим врагом гоголевского таланта. Белинский говорил от имени народа.

В 1839 г. Гоголь вернулся в Россию из Италии, куда он выехал после той бури, которую произвел «Ревизор» в русском обществе. Гоголь привез шесть первых глав «Мертвых душ», читал их друзьям. В этот приезд он лично познакомился с Белинским, несколько раз встречался с ним в Петербурге.

1839 и 1840 гг. были неурожайными годами в России. Народ бедствовал, не получая никакой помощи от государства. В отчете III отделения (тайной полиции) за 1839 год указывалось, что бунты и поджоги были «сдва ли не по всей внутренней России». Бесправные, голодные крестьяне не мирились со своим положением, они убивали помещиков и поджигали их имения. Этот подъем крестьянского движения оказал влияние на Белинского. Именно в этот период Белинский разоблачал слабые стороны идеалистической гегелевской системы, проникается идеями социализма и приходит к выводу о необходимости решительной революционной борьбы.

Гоголь встретился с Белинским в ту пору, когда этот процесс в сознании Белинского только начинался. Творения Гоголя способствовали отходу Белинского от «примирения» с русской действительностью. Но встреча с Белинским в кругу передовой петербургской молодежи в свою очередь сыграла положительную роль для автора «Мертвых душ». Последующие главы этой поэмы, написанные по возвращении в Италию, отличаются большей остротой социального обличения, большей политической насыщенностью. Здесь и «Повесть о капитане Копейкине» — сатира на правительственную бюрократию, здесь и биография Чичикова — стяжателя, идеал которого — капитал, деньги, каким бы путем они ни пришли. И вместе с тем — здесь бессмертное лирическое отступление о птице-тройке, в которой Гоголь видел образ будущей России.

Когда «Мертвые души» были представлены в цензуру, их запретили. Измученный нелепыми толками тупых цензоров,

Гоголь отдал рукопись Белинскому с просьбой попытаться с ней счастья в Петербурге. Доверие, оказанное революционному демократу Белинскому, встреча с ним втайне от Шевырева и славянофилов вызвали негодование в кругу последних. С удивительной энергией принялись они чернить великого критика в глазах Гоголя, всячески дискредитировать его и отвлекать писателя от насущных общественных вопросов вопросами морали и религии. Эти действия, разрушительные для таланта Гоголя, продолжались в течение нескольких лет.

По выходе «Мертвых душ» борьба за Гоголя вступила в новую фазу. Незадолго до выхода этой книги в статье «Русская литература в 1841 г.» Белинский суммировал всю работу Гоголя до «Мертвых душ». Он заявил: «С Гоголя начался русский роман и русская повесть, как с Пушкина началась истинно-русская поэзия... С Гоголя начинается новый период русской литературы...» Белинский отменил упрек Гоголю в отсутствии положительных лиц в его книгах, подчеркивая любовь Гоголя к Родине и веру в ее силы. Гоголь рисовал типичное для своего времени; типичными для общества крепостников и были Хлестаковы, Держиморды, Собакевичи.

Белинский оценил «Мертвые души» как великое творение, «чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патристическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстной, нервной, кровною любовью к плодотворному зерну русской жизни».

В этой оценке Белинский подчеркивает преданность Гоголя своей родине, его любовь к ней. Россия для Гоголя была все. В ней сосредоточивались его чувства и надежды, она заменяла ему семью. Вся жизнь его состояла в труде на благо Родины, — он по восемь раз переписывал свои произведения, совершенствуя их. Его литературный заработок был скромен, и так же, как потом Маяковский, он мог бы сказать: «И кроме свежесмытой сорочки, скажу по совести, мне ничего не надо».

Страстные, полные обличительного пафоса слова посвятил Белинский тем же патристам, которые могли увидеть в «Мертвых душах» «...следствие холодности и нелюбви к родному, к отечественному, — они, которым так тепло в нажитых ими по-

тихоньку домах и домиках, а может быть и деревеньках — плодах благонамеренной и усердной службы...» Белинский не устает подчеркивать патристизм Гоголя, раскрывая его не как застойное примирение с крепостнической действительностью, чего требовала реакция, а как борьбу за благо Родины, за ее лучшее будущее.

Вокруг «Мертвых душ» разгорелась острая журнальная полемика. Одни критики злобно бранили книгу, другие искали новых способов приглушить ее революционно-критическое значение и содержание.

Творения автора «Мертвых душ» породили в русской литературе целую школу, к которой принадлежали Тургенев, Гончаров, Некрасов, Островский, Григорович, Салтыков-Щедрин и другие. Белинский сумел заметить ростки нового в первых произведениях многих из названных писателей. Он оценил их достоинство, помогая молодым писателям расти, оберегал их от нападков реакционной печати.

Когда под влиянием реакционного окружения Гоголем были написаны «Выбранные места из переписки с друзьями», где автор предлагал мирным путем изживать недостатки самодержавного строя, Белинский во главе всей передовой общественности осудил эту книгу. Но он не перестал защищать реалистические произведения писателя от крепостников. Всею страстною ненавистью в письме Гоголю Белинский обрушил на крепостнический строй, унижающий русский народ, мешающий ему проявить все таящиеся в нем силы, таланты, дарования. Ленин назвал это письмо «одним из лучших произведений беспензурной демократической печати».

Гоголь мучительно искал выхода, стремился написать такую книгу, которая помогла бы устранить все безобразия самодержавного строя. В одном из лирических отступлений второго тома Гоголь писал:

«Где же тот, кто бы на родном языке русской души нашей умел бы нам сказать это всемогущее слово: в п е р е д? Кому, зная все силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, одним народным мановеньем может устремить на высокую жизнь русского человека? Какими слезами, какой любовью заплатил бы он ему. Но веки проходят за веками, — полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлет непробудно, и редко рождается на

Руси муж, умеющий произносить это всемогущее слово».

Отсюда видно, что виноватым в неподвижности России, во всех ее бедах Гоголь считал русское дворянство — «полмиллиона сидней, увальней и байбаков». Именно такие определения дал он в своей книге помещику Тентетникову.

Борьбу за Гоголя продолжали Чернышевский и Добролюбов. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский рассказал о творческом пути Гоголя, о современной ему критике и прежде всего — об огромных заслугах Белинского, имя которого после его смерти несколько лет находилось под запретом. «...Ни в ком из наших великих писателей не выразилось так живо и ясно сознание своего патристического значения, как в Гоголе, — писал Чернышевский. — Он прямо себя считал человеком, призванным служить не искусству, а отечеству; он думал о себе:

Я не поэт, я гражданин». Выводывая в уста Гоголя слова из стихотворения декабриста Рыльева, Чернышевский подчеркивал этим революционное значение творений великого писателя.

Нет ничего случайного в том, что образы Гоголя продолжали оставаться боевым оружием революционной России и на последующих исторических этапах. В речах и статьях основоположников большевизма Ленина и Сталина образы Гоголя приобрели новую жизнь. Они помогали бороться против врагов трудового народа — буржуазных либералов, кадетов, оппортунистов и троцкистов. Они и сегодня помогают советским людям в борьбе против буржуазных пережитков, а также в борьбе против современных западных разновидностей Чичикова, Собакевича, Манилова, Держиморды.

Еще во времена Гоголя Белинский отметил, что на Западе «те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на свободных парламентских выборах!» В наше время Гоголь попрежнему продолжает служить Родине своими произведениями и образами, которые создал более ста лет назад.

И вслед за гоголевским героем Тарасом Бульбой мы восклицаем сегодня: «Пусть же стоит на вечные времена... Русская земля и будет ей вечная честь!»

Е. СЕРЕБРОВСКАЯ

Ленинградская Правда

24 ФЕВ 1952